

Е.И. Зиновьева, Д. Дракулич-Прийма

ЛУКАВЫЙ И ЛУКАВ В РУССКОЙ И СЕРБСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

Рассматривается стереотипное представление о человеке, характеризуемом как лукавый в русском и сербском языках. Анализируются словарные определения, контексты употребления, устойчивые выражения с компонентами «лукавый / лукав», результаты проведенного анкетирования носителей русского и сербского языков. Отмечаются сходства и различия в двух славянских языковых картинах мира. Делается вывод о том, что сербское прилагательное «лукав» по семантике соответствует русскому прилагательному «хитрый».

Ключевые слова: стереотипное представление; языковая картина мира; лингвокультура; прилагательное; устойчивое сравнение.

Цель данной статьи заключается в выявлении стереотипного представления о человеке, называемом *лукавый* и *лукав* в русской и сербской языковых картинах мира. Стереотипное представление понимается нами как синоним термина «стереотип-представление» – «некий фрагмент (концептуальной) картины мира, существующей в сознании, некоторый образ-представление. Это некая ментальная “картинка”, обладающая рядом специфических для нее свойств, некое устойчивое, минимизированно-инвариантное представление о предмете или о ситуации» [1. С. 126]. Языковая картина мира (ЯКМ) в других терминах обозначается как «языковой образ мира», «языковой промежуточный мир», «языковая организация мира», «языковая репрезентация мира» или «языковая модель мира». Е.В. Бузальская справедливо отмечает, что «понятие *образ мира*, как одна из структур сознания, пришло в лингвистику из психологии и психолингвистики; *картина мира* чаще встречается в работах по этнолингвистике, культурологии, лингвокультурологии; *модель мира* – в когнитивистике, когнитивной лингвистике» [2. С. 64]. Согласно мнению В.Б. Касевича, *модель* является сознательным результатом познания и осознания структуры мира, а *картина / образ мира* понимаются как продукты пассивного, бессознательного восприятия объектов действительности [3. С. 77]. В данном исследовании речь идет о стереотипе-представлении, сложившемся неосознанно, поэтому термин *картина мира* представляется более уместным. С.Г. Воркачëв справедливо считает понятие ЯКМ условным, объясняя это тем, что «образ мира, воссоздаваемый по данным одной лишь языковой семантики, скорее карикатурен и схематичен ... и для адекватности языковой образ мира корректируется эмпирическими знаниями о действительности, общими для пользователей определенного естественного языка» [4. С. 67]. В настоящее время в научной лингвистической литературе существует множество определений ЯКМ. В.А. Маслова, определяя термин «языковая картина мира» как метафору, объясняет это тем, что для носителей языка создается не какая-то иная картина мира, а лишь специфическая окраска этого мира, обусловленная «национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и нацио-

нальной культуры данного народа» [5. С. 66]. По мнению О.А. Корнилова, ЯКМ – система ценностных ориентаций, закодированная в ассоциативно-образных комплексах языковых единиц и восстанавливаемая исследователем через интерпретацию этих комплексов посредством обращения к обусловившим их знакам и концептам культуры» [6. С. 30–32]. В качестве рабочего в своем исследовании мы будем опираться на одно из ранних определений, предложенное Е.С. Яковлевой, которая под ЯКМ понимает «зафиксированную в языке и специфическую для данного языкового коллектива схему восприятия действительности, своего рода мировидение через призму языка» [7. С. 47]. Это определение отличается лаконичностью формы и емкостью содержания. В целом метафорический термин «языковая картина мира» следует, на наш взгляд, признать не совсем точным, так как он заставляет думать о «плоскостном» отображении реальной действительности и внутреннего мира человека в языке. Но в силу частотности, устойчивости и привычности в научной литературе этого термина будем использовать в своем исследовании именно его.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что свойства личности человека, с одной стороны, универсальны, с другой стороны, образ носителя конкретного свойства будет отличаться в разных национальных культурах. В настоящее время не существует диссертационных или монографических работ, посвященных комплексному исследованию прилагательных, обозначающих свойства личности в русском языке. Анализу подвергались отдельные единицы, такие как, например, *находчивый* [8. С. 309–313], *ушлый* [9. С. 26–29], *болтливый* [10. С. 81–94], *порядочный* [11. С. 290–302], *умный* [12. Р. 1095–1105], *успешный* (на фоне китайского языка) [13. Р. 969–976], *хитрый* (на фоне сербского языка) [14. С. 25–33], *правильный* [15. С. 336–345]. Прилагательное *лукавый* не являлось до настоящего момента объектом исследования, в том числе и в сопоставительном плане.

Рассмотрим «портрет» лукавого человека в русской и сербской языковых картинах мира, придерживаясь следующего алгоритма исследования: анализ дефиниций толковых словарей двух языков; изучение функционирования прилагательного в разных типах дискурса по данным национальных корпусов двух языков; выяв-

ление стереотипного представления о лукавом человеке в языковом сознании носителей двух родственных славянских языков на основе анкетирования. Настоящая работа является вторым этапом проведенного нами исследования, в котором впервые было проанализировано стереотипное представление о хитром человеке в русской и сербской лингвокультурах [14. С. 25–33]. Значения синонимичных пар прилагательных *лукавый* / *лукав* и *хитрый* / *хитар* в двух славянских языках пересекаются – частично совпадают и частично расходятся. Выявление стереотипных представлений о лукавом и хитром человеке в русской и сербской ЯКМ имеет практическую значимость, так как может способствовать оптимизации межкультурной коммуникации и позволит избежать ошибок в переводе.

Прилагательное *лукавый* является общеславянским по происхождению: украинское *лукавий*; древнерусское *лукавъ* обозначало 'извилистый (о течении реки); хитрый, коварный', сербохорв. *лукав*, словен. *lokav*, от *лука* 'хитрость' [16. С. 532]. Толковые словари русского языка определяют значение прилагательного как 'хитрый и умышляющий, коварный, скрытный и злой, обманчивый и опасный, криводушный, притворчивый, двуличный и злонамеренный' [17. С. 272]; '1. Склонный к козням, интригам, хитрый, коварный; 2. Исполненный веселого задора, игривости; 3. В знач. сущ. Прост. Бес, дьявол, сатана' [18. С. 204]; '1. Коварный, хитрый. *Лукавый человек, лукавый поступок*. 2. Игривый, исполненный добродушной хитрости. *Лукавый взгляд, лукавая улыбка*. 3. В религиозной мифологии и в народных поверьях: черт, бес' [19. С. 418].

Согласно данным «Частотного словаря современного русского языка» С.А. Шарова и О.Н. Ляшевской прилагательное *лукавый* в «Национальном корпусе русского языка» (НКРЯ) [20] встретилось в 471 контексте, 95 сегментах (R = 95). Средняя частота употребления прилагательного *лукавый* составляет 7,6 имп, высокий коэффициент Жуйана (D = 94) свидетельствует о равномерности распределения слова в различных сегментах корпуса [21].

Контексты НКРЯ подтверждают, что прилагательное используется в первом из отмеченных толковыми словарями значений: *лукавый человек* – это хитрый, действующий в свою пользу, стремящийся извлечь выгоду для себя: «За ремонт серебристого «Сарданапала» *лукавый* механик запросил вдвое больше того, что было сэкономлено на программисте» (Елена Халецкая. Синие стрекозы Вавилона / Человек по имени Беда (2004)); «Именно поэтому, когда в вопросе о том, какие права вы считаете самыми важными, *лукавый* составитель предлагает варианты вроде прав на бесплатное образование, медобслуживание и прочие блага социализма, они собирают в два-три раза больше голосов, чем поставленные рядом классические права и свободы» (Народная демократия (2003) // «Неприкосновенный запас», 2003.01.15); «*Лукавый* и откормленный сундук-мичман с посейдоновскими трезубцами на петлицах решил все проблемы Кирилла за штуку» (Михаил Веллер. Белый ослик // «Октябрь», 2001).

Прилагательные *хитрый* и *лукавый* в материалах НКРЯ иногда употребляются в одном контексте, при

этом актуализируется первое словарное значение прилагательного *лукавый*, например: «– Представлялся, что из планового отдела... – *Хитрый* такой, *лукавый*, все на улыбочке. Поинтересуется: “У себя Вадим Анатольевич?” (Михаил Елизаров. Pasternak (2003)). Ср. через отрицание: «Гендиректор корпорации “Средневожскстрой” Владимир Борисович Чупшев – человек *бесхитростный*. Не *лукавый*. Политикой не занимается, ни в одной партии не состоит» (Смирнов Владимир группа 'Публицист'. Обыкновенный Геракл // Труд-7, 2006.08.04).

Лукавый в рассматриваемом значении характеризуется как лживый и двуличный человек, склонный к обману: «– Она меня перелукавит. Все женщины *двуличные, лживы* и *лукавы*. И ты это знаешь» (Борис Васильев. Ольга, королева русов (2002)); «Борис Абрамович – *лукавый человек*, и если по поводу любого другого партнера еще можно сомневаться – обманет – не обманет, – то с Березовским можно не мучиться: обманет обязательно» (Илья Огнев. Максим Соколов: Борода у меня солидная. Но ведь и «будка» немаленькая! // Комсомольская правда, 2001.07.27); «Должна сказать к своей чести: несмотря на все наши споры, в огромном большинстве случаев он со мной в конечном счете соглашается. Однако *лукав*! Недавно я подслушала один телефонный разговор, где он в точности воспроизвел все то, что я накануне ему сказала, но нагло и бесстыже выдал это как свое мнение» (Бирюков Сергей. Дожить бы до столетия Никиты // Труд-7, 2003.05.22).

Лукавый в анализируемом значении – это также тот, кто может скрывать от других свои мысли, чувства и планы с какой-то целью. Например: «Но тогда еще безумным Сталин не был. Жестокий, *лукавый*, кровавый, но не безумный. Своих ближайших подручных – Молотова, Кагановича – всех он под конец жизни готовился сменить, придавить прокуренным ногтем, как с ними вместе давил других» (Г.Я. Бакланов. Жизнь, подаренная дважды (1999)); «– Не знаешь ты моего брата, конунг! *Лукав, коварен*, на козни горазд!.. Вот тебе правая рука – неспроста затеял он битву эту!» (Евгений Лукин. Катали мы ваше солнце (1997)); «Он всегда *лукав* и себе на уме» (Давид Самойлов. Памятные записки (1971–1990)).

Метафорической характеристикой лукавого человека является *лис*: «– Этот старый *лукавый лис* Воислав ни слова не обронил о Вояте» (Борис Васильев. Вещий Олег (1996)). Словарь устойчивых сравнений русского языка фиксирует фразеологизм *лукавый как бес* [22. С. 53]. А в НКРЯ в качестве эталона сравнения находим змею: [Джеромо, Владимир Зельдин, муж, 63, 1915]; В какую он попал ловушку / а! (Мендосо, Евгений Леонов, муж, 52, 1926); Эти женщины / они *лукавы* / как змеи (Джеромо, Владимир Зельдин, муж, 63, 1915); Пустяки / милый Мендосо / они *лукавы* / пока именуют дело с дураком» (Михаил Григорьев (Гутгарц) и др. Дуэнья, к/ф (1978)).

Лукавый, по данным НКРЯ, – постоянный эпитет беса, а в субстантивированной форме – эвфемистическое название дьявола: «Всем хорош был служака, да попутал и его *бес лукавый* и любовь к деньгам» (Михаил Щукин. «Белый фартук, белый бант...» //

«Сибирские огни», 2013); «Это очень в его характере, в этом он весь – *бес лукавый*» (Нина Воронель. Без прикрас. Воспоминания (1975–2003)); «– Ах ты, пьяница, бездельник, Где ты видишь сапоги? Иль мутит тебя *лукавый*? Это ведра» (Генрих Сапгир. Черновики Пушкина (1999) // «Дружба народов», 1999.05.15); «Да потому, что здесь *Лукавый* использует последнюю возможность искушения у самого порога, за которым кончается его власть» (Митьки. Громпопыка (1997)); «А по осени то ли *лукавый* напомнил суеверному (как большинство футболистов) Кержакову о чертовой дюжине, то ли защитники приноровились к манере игры юркого форварда, но прицел у Александра "сбился"» (Мешков Валерий. Да не дрогнет нога у снайпера! // Труд-7, 2007.10.11).

В значении 'игривый, добродушно-хитрый' прилагательное может иметь положительную оценку: «Дина по-прежнему была нежна и *лукава*, она как будто продолжала любить его и не скупилась на ласки, и он любил ее тем острее и неуголимее, чем лучше понимал, что она отравляет его мозг и сердце своим опасным очарованием» (В.К. Кетлинская. Мужество (1934–1938)); «Хома (Павел Деревянко) – молоденький, *лукавый*, трусоватый и... страсть какой обаятельный» (Игорь Виравов. Что общего у Хома Брута, князя Мышкина и писателя Орфея? // Комсомольская правда, 2003.06.03); «Надоевший в школе, как ежедневная гречневая каша, Пушкин разбил молодым веселым кулаком стекло своего официального портрета и вышел ко мне из рамы *лукавый*, дерзкий, пахнущий снегом и шампанским» (Евгений Евтушенко. «Волчий паспорт» (1999)).

Чаще всего мелиоративная окраска эксплицируется в контекстах, где *лукавый* сочетается с прилагательным *наивный* и расценивается как черта, присущая детям: «Он был прост, скромненький, *лукав*, в чем-то *наивен* и при этом невероятно значителен» (Эльдар Рязанов. Подведенные итоги (2000)); «Мои товарищи были людьми правдивыми, искренними и прямодушными, но Сашка-инженер был хитер, часто *детски лукав*, и я не поручилась бы за отсутствие двоедушия в его натуре» (В.Н. Фигнер и др. Запечатленный труд. Т. 1 (1921)); «Воспитанница чопорного монастырского пансиона «Небесных ласточек», втайне мечтающая о театре, в котором она ни разу в жизни не была, Ни-туш в исполнении Пашковой *наивна* и *лукава*, трогательна и простодушна, *ребячлива* и робка» (Н.А. Коварский. Театральные премьеры. Разговор о спектакле (1945.01.01) // «Советское искусство», 1945); «Известно, что старики бывают болтливы, как дети, но они часто бывают и *лукавы*, как *дети*» (С.Н. Сергеев-Ценский. Устный счет (1931)).

В качестве эталонов лукавого человека в контекстах с положительной коннотацией прилагательного в составе сравнений выступают такие прецедентные имена, как *Арамис*: «Роман тоже не удался ростом, к тому же был лопух, зато *лукав*, как *Арамис*» (Виктор Некрасов. Маленькая печальная повесть (1986)); *Талейран*, *Ходжа Насреддин*: «Самые деликатные и рискованные переговоры с начальством много лет подряд брал на себя Ракит Хасанов, глав-

ный геолог нашей экспедиции, вкрадчиво-дипломатичный и *реактивно-лукавый*, как *Талейран* и *Ходжа Насреддин*, вместе взятые» (Александр Пеньков. Магнитный мой азимут // «Юность», 1976).

Лукавый, как свойство личности, часто выступает в контекстах НКРЯ как отличительная черта русского человека, вербализуя именно значение 'добродушно-хитрый': «По мнению господина Левады, современного жителя России можно охарактеризовать тремя словами: это человек пассивный, терпеливый и *лукавый*» (Итоговый выпуск (вечерний) – 30.02.06 19:20 – Екатеринбург // Новый регион 2, 2006.03.31); «*Лукав* русский человек, если ему надо себя обелить» (Галина Щербакова. Не бойтесь! Мария Гансовна уже скончалась (2001)); «– Наш народ. *Лукав*, смекалист. Сосед слегка придержал Гангута рукой за грудь» (Василий Аксенов. Остров Крым (авторская редакция) (1977–1979)); «Шухов – обобщенный характер русского простого человека: жизнестойкий, «злоупорный», выносливый, мастер на все руки, *лукавый* – и добрый» (Александр Архангельский. 40 лет Ивана Денисовича. 18 ноября 1962 г. вышла в свет повесть, перевернувшая мир (2002) // «Известия», 2002.11.17).

В значении 'игривый, исполненный добродушной хитрости' в контекстах НКРЯ прилагательное *лукавый* чаще всего характеризует взгляд человека: «Он поймал *лукавый взгляд* Натальи и незаметно в свою очередь кивнул: понял, понял – «Остапа понесло»» (Семен Данилюк. Рублевая зона (2004)); «*Лукавый*, дразнящий *взгляд*, который в одно мгновение становится задумчивым...» (Вадим Бурлак. Хранители древних тайн (2001)). Кроме того, прилагательное употребляется как характеристика разреза глаз, смешка, возгласа: «Зеленоватые стебельки жилок на висках. *Лукавый разрез зеленых глаз*» (Сергей Шаргунов. Вась-вась (2009)); «Из ее рта вырвался *лукавый смешок*, искоса она глянула на меня» (Александр Григоренко. Ильгет. Три имени судьбы // Урал, 2013); «Раздался вслед ему *лукавый*, бодрый *возглас*, вызвавший сдержанный смех» (Юрий Долгушин. Рассказ о настоящем биологе // «Знание – сила», 2005).

Для верификации результатов, полученных в результате анализа материалов сайта НКРЯ, нами был проведен опрос носителей русского языка. В качестве информантов выступили 100 человек в возрасте от 20 до 75 лет, проживающих в Санкт-Петербурге. Респонденты имели высшее или не законченное высшее образование (большинство – гуманитарное). Среди опрошенных было 60 лиц женского пола и 40 – мужского. Информантам было предложено заполнить анкету, время выполнения задания было ограничено 10 минутами. Анкета включала в себя два вопроса:

1. Если Вы слышали, что кого-то называли *лукавым*, это для Вас (поставьте + в нужной рубрике):

- а) положительная характеристика;
- б) отрицательная характеристика;
- в) может быть и а) и б) в зависимости от ситуации;
- г) нейтральная характеристика.

2. Напишите, пожалуйста, словосочетания с прилагательным *лукавый*.

Результаты оказались следующими. 80 человек ответили, что *лукавый* является отрицательной характе-

ристичкой человека, 16 – положительной или отрицательной в зависимости от ситуации. Двое отметили, что это нейтральная характеристика, двое – положительная, мотивировав это тем, что «безусловно, такой человек талантлив, дипломатичен».

Что касается словосочетаний, то лидирующими оказались атрибутивные словосочетания с существительными *взгляд, улыбка, усмешка, вид, слова, речи, смайлик*. На втором месте по частотности сочетания с наименованиями лиц. Самое частотное – *лукавый человек*, на втором месте – *лукавый царедворец*. Остальные словосочетания этого ряда единичны: *лукавый мальчик, раб, отрок, приятель, мужик, дед, юноша, собеседник, советчик, изменник, насмешник политик (например, Талейран); лукавая кокетка, женщина, девушка*.

Применительно к человеку прилагательное *лукавый* используют 58 опрошенных, 40 информантов ответили, что не употребляют прилагательное для характеристики человека в своей речи, а двое, что используют, но очень редко.

Субъективные дефиниции, приведенные респондентами, отражают два основных словарных значения прилагательного: первая группа предложенных определений лукавого человека включает следующие толкования: *лукавый – это «тот, который не договаривает или намеренно искажает излагаемую информацию, преследуя свои интересы»; «Человек, который готов ради собственной выгоды пойти на небольшой обман (намеренно исказить факты в свою пользу)»; «Человек подлый, хитрый, но подлый»; «Хитрый»; «Тот, кто говорит одно, а задумал другое, наносящее вред собеседнику или содержащее подковырку»; «Изворотливый, лживый демагог»; «Не прямой, не искренней, не откровенный. Лживый»; «Хитрый, изворотливый, изменчивый, “себе на уме”, лживый, скрывающий свои подлинные намерения. Лживый, двуличный, изворотливый»; «Изворотливый и себе на уме».*

Вторая группа дефиниций гораздо менее многочисленна: *«добродушный, хитренький», «человек с иронической улыбкой», «игривый, насмешливый».*

Обобщая полученные результаты, можно сказать, что усредненный портрет лукавого человека в русской языковой картине мира выглядит следующим образом: с одной стороны, это человек, чаще оцениваемый отрицательно, скрывающий свои истинные намерения, лживый, изворотливый, двуличный, «себе на уме», обманывающий для извлечения собственной выгоды, часто действующий во вред другому. Представляется, что не последнюю роль при создании такого стереотипного представления играет мифологическая составляющая – эвфемистическое название беса, черта, что подтверждают контексты НКРЯ. С другой стороны, если человек добр, при этом обладает смекалкой, действует во благо или акцент делается на мимике, взгляде, то такой человек воспринимается как добродушно-хитрый, игривый.

Прилагательное *лукав* толковые словари сербского языка определяют следующим образом (здесь и далее перевод наш. – Д. Д.-П.): 1) 'скрывающий свои истинные мысли и чувства, обычно из-за желания обмануть или перехитрить кого-либо'; 'хитрый'; 2) а) пресле-

дующий только собственные интересы, эгоистичный, слишком прижимистый, скупой; б) завистливый, пакостный, злобный; 3) *субстантив.* черт, сатана *архаич.* [23. С. 241]; 'умело прикрывающий свои мысли, чувства, стремясь перехитрить'; 'тот, кого нелегко обмануть; осторожный и смекалистый, хитрый, коварный' [24. С. 657]. Словарь синонимов сербского языка определяет прилагательное *лукав* как 'хитрый', 'неискренний' [25. С. 400].

Контексты, отобранные для проведения данного исследования из сербской художественной литературы и публицистики, а также из материалов «Национального корпуса сербского языка» (НКСЯ) [26], подтверждают, что *лукав человек* – это человек хитрый, действующий в свою пользу, стремящийся извлечь выгоду для себя: «Бејаше Петров пост, а неки кнез Иван испреко Дрине доноси ми рибе дринске, и он ме разговара, али уздише, или је *лукав* или врло жалостив; то ми није мило, готово би волио да ми не долази с његовим уздисањем» (П.М. Ненадовић. Мемоари); «Том је *лукав* па се врло успешно извлачи из ситуације, али тако да бежи на купање, а не у школу (Lektira); «Био је *лукав*, али наше снаге безбедности биле су *лукавије*» (Стаматовић А. Истина о четницима); «Био је похлепан, *лукав* и безосећајан, представник људи који желе да се окористе туђом несрећом» (Нушић Б. Власт).

Также *лукав* – это человек, скрывающий свои мысли, чувства и планы от окружающих с какой-то определенной целью. Например: «Чича се окрену лијево-десно, обухвати погледом читаву зараван и сав просину као да му се одједном смјести у срце то неочекивано богатство од жбуња, увала и бројних лога, од којих свака може да буде скровиште неком *лукавом* дјечаку» (Топић Б. Башта слезове боје); «– Видиш, молим те, а ништа ми не јавља *лукава* паорска бештија – вели гђа Перса љутито» (С. Сремац. Поп Ћира и поп Спира).

Лукав характеризуется и как лживый, двуличный, коварный и опасный человек: «Ко зна шта подмукли и *лукави* Керовић спрема (Чолаковић, 5, 285); «Karl Panzram bio je čovek bez emocije, krvoločan i *lukav*» (Zvali su ga čovek sa pogledom smrti), а также как человек, склонный к обману: «А сем тога био је као лопов *бескрајно лукав* и *дрзак*. Крао је где шта стигне, и по кући и по комшилуку» (С. Сремац. Поп Ћира и Поп Спира).

Лукав как свойство личности иногда выступает в качестве отличительной черты представителей различных национальностей – турок, евреев, англичан, итальянцев, греков. Например: «Како *лукави* Латини отимају Косово и Метохију» (Krstarica); «За њега су то биле бескорисне дрангулије које су измислили *лукави* Грци да би преко тих трица и кучина, тога шареног смећа, држали шапу над српским земљама» (Д. Ненадић. Доротеј); «Лукавство код Грка није грех, ко је *лукав* тај је и мудар, а ко је надмудрен, тај је и наиван» (Пол, 1958); «Među ulagačima sa manje od 100 000 evra, koji sad verovatno neće biti oporezovani, preovlađuju *lukavo tihi* Britanci, a među velikim ruske kompanije» (Vesti, Krstarica); «Među stereotipima i predrasudama ističu se kolektivna verovanja, ubeđenja

određenog naroda o drugim narodima. O pripadnicima italijanske nacije, na primer, čije se: prgavi, lukavi Italijani» (Mario Liguori, disertacija).

Лукав также является отличительной чертой представителей сербской национальности: «Дао бих товар царских дуката само да јасно предвидим шта лукави Срби у покрајини смишљају» (Poreklo.rs). Некоторые контексты показывают, что это свойство личности сербы сами себе приписывают. Нам встретились контексты с компонентом *Личанин* (уроженец Лики, область в Сербской Краине – территория нынешней Хорватии) и *Еро* (уроженец юго-западной Сербии). Этноним *Еро* (иногда *Ера*) является и литературным персонажем – в собрании В.С. Караджича много кратких народных рассказов и анекдотов («Еро и Турчин», «Еро с оног свијета» и др.), в которых главному персонажу *Ере* с помощью смекалки и ловкости всегда удается перехитрить турка. Например: «Један од Мандића, лукави Личанин, зашкиљи на десно око и рече: – Кад би се једног дана сазнало ко је уништио црну књигу, највише би страдао онај коме је то првом пало на ум» (Б. Ђопић. Магареће године); «Не да ти се тај преварити, он ти је лукав као Ера – рече Перо за свога првога комшију» (Krstarica).

Кроме того, встречаются контексты, где *лукав* выступает как свойство представителей различных профессий – политиков, кондукторов, охотников, рыболовов, спортсменов, художников. В подобных контекстах на первый план выходит сема ‘хитрость с целью обмана’ например: «Растадоше се већ у сами мрак, тајанствени и ћутљиви, а већ сутрадан лукави пољар Лијан крену у извиђање да уходи мале бјегунце» (Б. Ђопић. Орлови рано лете); «Лукавији кондуктери су најављивали путовања, други су се извлачили болешћу, док су остали једноставно обећавали да ће дати отказ или поднети тужбу ако их те ноћи опет одреде на посао, набрајајући све године у којима их је запала та незахвална дужност» (М. Капор. Најбоље године и друге приче); «Ту се налазио само један стари, полуслепи *рибар*, Милон по имену, који не беше више способан за риболов, али се, лукав какав је био, одлично разумевао у продају рибе и умео да подвали сваком купцу» (М. Милановић. Кроз царство наука); «Умјетност је у исти мах и најнаивнија и најпрепруденија од људских дјелатности. А умјетник – препредена наивчина, *предукаво дијете*» (В. Десница. Пролета Ивана Галеба).

Метафорической характеристикой *лукавого человека* в сербском языке является *лисица*, *лисац* (*лис*), часто в словосочетании *лукави лисац*, *стари лисац*: «– Свашта се говорило међу паланачким кројачима. Да Костица већ одавно има маказе и одавно зна кројити панталоне, и сигурно и герок и пелерину; да је *лисац лукави*; да га треба избацити из друштва и из читаонице занатлијске; да с кројењем панталона још није доказао да је мушко» (И. Секулић. Хроника паланачког гробља).

Контексты функционирования прилагательного *лукав* в сербском языке показывают, что данное прилагательное чаще всего входит в состав сравнительных оборотов, обладающих значением ‘хитрый’. В качестве эталонов сравнения используются наиме-

нования различных животных, наиболее часто встречается зооним *лисица* (*лисац*, *лија*). Устойчивое сравнение с данным компонентом-зоонимом фиксируется всеми сербскими словарями: *лукав као лисица* – ‘очень хитрый, смекалистый’ [27. С. 467]. См. также в контекстах: «У разговору је био врло опрезан и лукав као лисица: могао је, кад је налазио за потребно, говорити цео дан, па ипак, на крају крајева, не знаш о чему је говорио, а видиш да је разговор паметан» (С. Ранковић. Горски цар); «Он је закључио да политичар треба да буде истовремено *лукав као лисица* и ако је потребно храбар као лав, подсећа Бранко Радун, историчар и политички аналитичар» (Фото-робот балканског политичара, Политика); «*Zvezdin novajlija lukav kao lisica: i ovako može da izvede aut i pogodi koš*» (Srbija danas); «*Na plakatu „Kustendorfa“ je vuk. Nama je potrebna nova životinja, hrabra, nepotkupljiva kao vuk, jaka kao medved i lukava kao lisica*» (Kustendorf se preselio u Srpsku, Vesti); «Није мала весла сисала: Доминика је *лукава као лија*» (Vesti, Dominika).

Следующим по частотности в рассматриваемых сравнительных оборотах является эталон *змија*. Хитрость и коварство, приписываемые змее, в языковом сознании представителей сербского народа подкрепляются ассоциацией с известным библейским сюжетом – изгнанием Адама и Евы из рая. Этот фразеологический оборот встречается преимущественно (но не только) в текстах религиозной тематики. Например: «Свети Григорије Богослов покрестио беше неког философа, по имену Максим, и толико заволи овога, да га је држао у дому своме и за трпезом својом. А тај Максим беше опак и лукав као змија, и после извесног времена издејствује сплеткама и поткупљивањима, да буде од неких Цариграђана признат за патријарха на место светог Григорија» (Пролог, Црква Добриња); «Да ли ја као православни хришћанин могу да користим у животу неке лукаве јеврејске фазоне (из кабале, талмуда...) у функцији добра за себе и друге. Схватити ово у контексту учити се да будем лукав као змија а добар ко голуб?» (Svetosavlje). Можно заметить, что во втором примере перефразирована известная цитата из Евангелия: «Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: будьте мудры как змии и кротки как голуби» (Мф. 10, 16).

В качестве эталона сравнения встречается также зооним *вук* (*волк*). В сербской языковой картине мира это животное воспринимается не только как кровожадный хищник, но и как наделенное хитростью существо. Ср. пословицу *вук длаку мења али ћуд никада* (рус. аналог *как волка ни корми, он все равно в лес смотрит*). Например: «Мајка је опомињала своје, иначе добро, лепо и паметно дете, обасипала га саветима и прекорима и предочавала му све опаности таквог владања у крају као што је њихов, где има увек понеки *лукав и крволочан вук*» (Андрић И. Аска и вук). В древней сербской мифологии культ волка занимает очень важное место. Известный сербский этнолог В. Чайканович считает, что каждый народ как-то образом ассоциируется с определенным животным и даже в каком-то смысле отождествляется с ним. Волк – мифологический родственник и предшественник сербского народа, т.е. его мифологический

представитель [28. С. 60]. Древнее почитание волка нашло свое отражение и в христианский период сербской истории. Так, по свидетельству В.С. Караджича, вплоть до XIX в. сербы считали, что, назвав ребенка именем *Вук*, родители защитят его от смерти в раннем младенчестве, так как верили, что младенцев «забирают у родителей ведьмы, которые на волка боятся напасть» [29. Стб. 88]. Согласно народному поверью, самый почитаемый среди сербов святой – Святой Савва Сербский – дружил с волками и даже стал их защитником [30]. В сербских народных сказках Святой Савва представлен как пастырь, которого всегда сопровождает волк. Именно поэтому в языке встречаются и такие сравнительные обороты: «Сети се речи епископа Исаије Ђаковића, јер и нема му друге него да буде мудар као змија и лукав као хроми вук Светог Саве (Snnovine, 24.09.2016).

Наряду с эталоном *вук* в устойчивых сравнениях с основанием *лукав* встречаются наименования и других животных, например *выдры*: «Ако је та девојка Милунка Савић, онда би је требало примити у неку добровољачку јединицу. Она се већ прославила у рату са Бугарима. Неустрашива је брза, окретна, сналажлива, лукава као видра» (Paluba info).

В современном сербском языке существует много индивидуально-авторских сравнений или устойчивых, используемых в речи, но не зафиксированных словарями, где в качестве эталонов сравнения также выступают имена или фамилии исторических личностей, персонажей известных литературных произведений.

Среди сравнительных оборотов с эталоном-именем собственным наиболее частотным является имя персонажа греческой мифологии Одиссея. Следует отметить, что выражения с данным компонентом встречаются преимущественно в публицистическом дискурсе: «Uspjevalo mu je da se popne iznad mnogih i da dobije više nego što su drugi dobijali, a da ovi zapravo ne shvate što se stvarno događa. Potajice je to nazivao taktikom "uspavljivanja i zavaravanja protivnika", potajno se ponoseći što je *lukav kao Odisej*» (Dnevnik, 16.09.2006); «Iako nije bio istaknuti ratnik i hrabar borac kao vojvoda od Jorka, već lako razdražljiv i neumoran radnik, "*lukav kao Odisej*", kako je za njega rekao jedan italijanski poslanik, znatno je doprineo svrgavanju kuće Lankaster sa prestola» (Krstarica, Zagrljaj). Ср. в русской ЯКМ: *хитроумный Одиссей*.

В публицистическом дискурсе в качестве эталонов сравнения могут также выступать фамилии сербских политиков, к примеру, Ивицы Дачича (действующий министр иностранных дел Сербии): «Иван Милошевић, власник консултантске фирме МЦ-2 Public Affairs, која је спровела бројне комуникацијске кампање за комерцијалне и политичке клијенте, даје концизан одговор: згодан као Тадић, богат као Ђукановић, ефикасан као Динкић, начитан као Јосиповић, националиста као Додик, лукав као Дачић, забринут као Николић, модеран као Јовановић» (Srpska, etlebero); «Лукав је као Тадић. Гура овог Јосиповића (Хрватску) у ЕУ» (Krstarica) (Борис Тадич до недавнего времени был президентом Сербии).

Встречаются имена и других известных мировых лидеров, в частности В.В. Путина: «*Lukav kao Putin*,

mudar kao Merkel: lukavost Vladimira Putina, mudrost Angele Merkel, strpljenje Si Đipinga i strategija i vizija Josipa Broza Tita su osobine su koje bi trebalo da ima budući srpski premijer» (Politika, 2.5.2017); *Лукави Путин*: Ево зашто Русија добија битку на Блиском истоку (Internet magazin). В данных контекстах, как видим, актуализируется сема 'хитрость, сообразительность', т.е. способность политика принимать неординарные, умные решения.

Как показывают приведенные ниже примеры, в определенных контекстах прилагательное *лукав* приобретает эксплицитно положительную оценку – употребляется в значении 'смекалистый', 'хитрый', 'оборотистый', 'умелый'. Например: «Довольно је само три месеца након изласка из тамнице да ослабљени српски јунак поврати своју снагу и постане оно што и јесте – сујетан, прек и лукав човек који се храбро бори и увек побеђује, па чак и бољега од себе» (Марко Краљевић и Муса кесеџија, странице); «Ја сам господар ове питомине, мудрији сам од свих праистарих житеља ове завити. Лукавији сам, веиштији. Понекад и посумњам у то да моји ловачки успеси долазе од вештине и лукавости коју сам за кратко време овде стекао» (Д. Ненадић. Допреј); «Sesk je pametan igrač, lukav igrač, on vidi utakmicu, oseća situaciju» (Krstarica, sport); «Ti si možda *intelligentniji i lukaviji* bokser od njega, ali ti si ga pobedio, moj Šampione, i zato što ti se duša malo usmrđela» (D. Mihajlović. Kad su cvetale tikve); «Muslin je *iskusan i lukav*, a Matić ključna figura» (Blic, sport).

В контекстах с положительной коннотацией прилагательное *лукав* может встретиться в сочетании с прецедентными именами, такими как *Дартаньян*. Например: «Vešt i okretan borac, neustrašiv i lukav Dardanjan ima samo jedan problem: mora uspešno da savlada sopstvenu tvrdoglavost, koja ga često dovodi u nepijatne i opasne situacije» (Krstarica, filmovi).

Прилагательные *лукав* и *хитар* (во втором значении – 'ловкий', 'смекалистый', 'оборотистый', 'мудрый' – иногда употребляются как синонимы, например: «А Видран Видрић, ловџија стари, *хитар* и *лукав*, мудрица права» (Ћопић Б. Чаробна шума); «Лукав је не само *хитре памети*, препреден, него поглавито мудар» (Мат. 14, 199); «Иначе, ћоса је *мудар*, али и *лукав*, а понекад и необично *препреден*» (Српски митолошки речник).

Как и в русском языке, в сербском *лукав* – частый эпитет дьявола, беса: *лукави ђаво*, *лукави враг*. В субстантивированной форме *лукав* – эвфемистическое название дьявола. Например: «Знао сам да *лукави* неће мировати, већ ће Бранковиће окренути против нас» (Гавриловић, 238).

В христианстве лукавство оценивается отрицательно: «Отвергни от себя лживость уст, и лукавство языка удали от себя» (Прич. 4, 24); «В лукавую душу не войдет премудрость <...> «Святый дух премудрости удалится от лукавства» (Сол. 1, 4–5); *Лукавство* базируется на лжи, а отцом лжи в Библии называется сам дьявол (Ин. 8, 44). Известную евангельскую цитату «И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого (Мф. 6, 13) Святой Иоанн Златоуст трактует следующим об-

разом: «Лукавым же здесь называет Христос дьявола, повелевая нам вести против него непримиримую брань» (Толкования Священного Писания на Мф. 6:13). В сербском же переводе Нового Завета, выполненном В.С. Караджичем, данная фраза выглядит следующим образом: «И не уведи нас у напаст; но избави нас ода зла» (Мат. 6, 13). И в некоторых других местах Евангелия В.С. Караджич также избегал употребления слова *лукави*. Ср.: «Но да будет слово ваше “да, да”, “нет, нет”, а что сверх этого, то от лукавого» (Мф. 5, 36–37) и «Дак-ле нека буде ваша реч: “да, да”, “не, не”; а што је више од овога, ода зла је» (Мат. 5, 36–37). Это объясняется тем, что в сербском языке субстантивированная форма *лукав* в значении ‘дьявол, бес’ является архаичной, воспринимается как заимствованная из русского и в современном сербском языке употребляется крайне редко.

Сравнительные обороты *лукав као ђаво*, *лукав као враг*, актуализирующие значение ‘злой, пакостный, хитрый, коварный’, в сербском языке весьма частотны: «Непријатељ је лукав као ђаво, дело без ризика. Због тог рата нам се чак и блиски подсмевају» (m.ok.ru 13.08.95); «Лукав је као враг. Покрао им је милионе, али нико га није могао ухватити ни за главу ни за реп» (Krstarica).

С этими выражениями семантически связан оборот *лукав као хроми Даба*. Прозвище *Хроми Даба* получил в сербском переводе отрицательный персонаж популярного американского мультфильма, что способствовало закреплению выражения с данным компонентом в языке. Имя *Даба* восходит к *Дабог*, *Дажбог*, *Дажбог* – в славянской мифологии сын Сварога, бог солнца, а также бог золота и серебра, защитник кузнецов. *Дабог* – родоначальник славян, правящий подземным миром и являющийся людям на земле в образе хромого старика, часто в сопровождении хромого волка. С распространением христианства *Дабог* (также *Даба*, *Дабо*, *Хроми Даба*) – «царь на земле», воспринимается как противник Бога и отождествляется с дьяволом [22. С. 146–147]. Обороты *Хроми Даба* и *лукав као Хроми Даба* встретились нам только в публицистических текстах: «Cvijetin Milivojević: *Hromi Daba* sigurnim korakom» (NSPM Hronika); «Rješenje kojim se Dubravko Štimac, aktualni šef Obaveznog mirovinskog fonda Privredne banke Zagreb i Croatia osiguranja, postavlja za ministra financija, naime, bilo bi ravno angažmanu *Hromog Dabe*» (Novosti).

Проанализированные примеры из сербской художественной литературы и публицистики, а также из материалов сайта НКСЯ и других интернет-ресурсов были сопоставлены с данными проведенного нами анкетирования. Опрос проводился среди 100 носителей сербского языка в возрасте от 20 до 75 лет (54 мужчины и 46 женщин), проживающих в Белграде, Новом Саде, Косовской Митровице, Бани Луке, Никшиче. Информанты имели высшее (48 человек) или незаконченное высшее гуманитарное образование (52 человека). Им были предложены те же вопросы и условия заполнения анкеты, что и респондентам-носителям русского языка.

В результате анкетирования были получены следующие ответы: 78 информантов ответили, что *лукав* – это отрицательная характеристика человека; 20 информантов ответили, что *лукав* может быть поло-

жительной или отрицательной характеристикой в зависимости от ситуации; один информант определил это прилагательное как нейтральное с точки зрения оценочности.

Лидирующими словосочетаниями среди ответов информантов оказались сравнительные конструкции:

1) с наименованиями животных: *лукав као лисица* (самое частотное, 100 реакций), *лукава као лија* (21), *лукав као лисац* (12), *лукав као стари лисац* (2), *лукав као вул* (9), *лукава као видра* (1), *лукава као мачка* (1);

2) с наименованиями мифологических существ: *лукава као вила* (3), *лукав као хроми Даба* (2);

3) с наименованиями профессий: *лукав као политичар* (7), *лукав као банкар* (2), *лукав као ловац* (2), *лукав као мајстор за воду* (1);

4) с наименованием дьявола, беса: *лукав као ђаво* (6), *лукав као враг* (2);

5) с именами собственными:

а) сербских (югославских) политиков: *лукав као Вучић* (4), *лукав као Тито* (3), *лукав као Тиле* (1), *лукав као Изетбеговић* (1);

б) иностранных политиков: *лукава као Меркелова* (2), *лукав као Наполеон* (1);

в) спортсменов (футболистов) *лукав као Мркела* (1), *лукав као Меси* (1);

г) исторических персонажей / героев литературных произведений: *лукав као Одисеј* (5); *лукав као Карађоз* (1) (В романе И. Андрича «Проклятый двор» Карађоз – управляющий тюрьмой в Стамбуле, прославившийся своей хитростью и жестокостью);

б) с наименованием национальностей: *лукав као Турчин* (5), *лукав као Чифутин* (2), *лукав као ћивут* (2), *лукав као Ера* (2), *лукав као српски сељак* (1).

Среди словосочетаний, вербализующих значение ‘хитрый’, в ответах информантов наиболее частотным является *лукав поглед* (11 реакций), затем следуют *лукав поступак* (9), *лукав потез* (7), *лукав план* (7), *лукава мисао* (6), *лукав осмех* (1), *лукава помисао* (1).

Среди атрибутивных словосочетаний с наименованиями лиц частотными являются: *лукава жена* (10 реакций), *лукава цура* (4), *лукав човек* (2). Единичными являются следующие ответы информантов: *лукав као мој деда Милоје*, *лукав као мој комшија*, *лукава као моја жена*.

Лишь один информант (мужчина 68 лет, поэт и переводчик с русского языка) в анкете указал, что использует в речи субстантивированное прилагательное *лукав* для обозначения дьявола, беса.

Сербскими респондентами были даны следующие субъективные дефиниции словосочетания *лукав човек*: «Тот, который обманывает, не говорит правду, думая только о своих собственных интересах»; «Подлый»; «Лживый человек, лжец»; «Обманщик, скрывающий свои истинные намерения»; «Думающий только о себе, о собственной выгоде»; «Неискренний, двуличный»; «Человек, готовый пойти по трупам»; «Волчище, волчара»; «Изворотливый, которого нельзя поймать ни за голову, ни за хвост».

Проведенный анализ позволяет заключить следующее: *лукав човек* в сербской языковой картине мира воспринимается, прежде всего, как человек хитрый, действующий в свою пользу. Именно в этом значении при-

лагательное *лукав* используется в устойчивом сравнении *лукав као лисица*, а также в ряде других выражений, где эталонами сравнения выступают животные, представители различных народов и профессий, имена собственные, мифологические существа. Оттенки значения прилагательного, такие как 'прижимистый' и 'скупой', как показывает материал, дополнительно актуализируются применительно к представителям различных национальностей. Прилагательное *лукав* в сербском языке преимущественно дает отрицательную оценку личности.

В редких контекстах, в которых актуализируется значение 'смекалистый, изворотливый, хитрый', это прилагательное может иметь и положительную коннотацию. Как показывает проведенное исследование, в русской и сербской языковых картинах мира стереотипное представление о человеке, называемом *лукавым*, совпадает в значении 'скрывающий свои истинные мысли и чувства, обычно из-за желания обмануть или перехитрить кого-либо'; '*хитрый*'. И в русском, и в сербском языковом сознании такой человек оценивается преимущественно отрицательно. Положительная коннотация является вторичной и встречается в контекстах, актуализирующих значение 'смекалистый, изворотливый, ловкий', однако только в русской лингвокультуре прилагательное *лукавый* вербализует значение 'добродушно-хитрый'. Анализ показывает, что в двух славянских языках совпадает и метафорическая характеристика такого человека. Национальная специфика отражается в эталонах сравнения с прилагательным *лукавый* (которых в сербском языке намного больше) – зоонимах, именах собственных,

наименованиях различных профессий и мифологических существ. В русском языке в том же значении преобладают устойчивые сравнения с основанием *хитрый*.

В целом можно сделать вывод, что сербскому прилагательному *лукав* по значению соответствует русское *хитрый* 'изворотливый, скрывающий свои истинные намерения, идущий обманными путями' [19. С. 1063]. Отличие заключается в том, что хитрость как свойство личности в русской лингвокультуре в большей степени характеризует интеллектуальные способности. Чтобы быть хитрым, нужно быть умным, изобретательным или компенсировать недостаток интеллекта изворотливостью и преднамеренным обманом в поведении. Ср. хитроумный, хитромудрый, а также пословицу Хитрость – второй ум. Следует помнить и о расхождении в семантике прилагательных двух славянских языков. Ср.: *лукав* поглед – хитрый взгляд и хитар поглед – быстрый взгляд (более подробно об этом см.: 14). Прилагательное *лукавый* в русском языке отличается от своего синонима *хитрый* меньшей употребительностью при характеристике свойства личности человека в силу преобладающей пейоративной оценки.

В обеих лингвокультурах хитрость / лукавство – свойство определенных национальностей, с которыми русский и сербский народы исторически соприкасались. Но ср. в русском: хитрый, как еврей, хохол, татарин, а в сербском – *лукав као Турчин, Чифутин*. В сербской ЯКМ лукавство чаще, чем в русской, приписывается представителям собственного народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь лингвокультурологических терминов / авт.-сост. М.Л. Ковшова, Д.Б. Гудков; отв. ред. М.Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2017. 192 с.
2. Бузальская Е.В. Лингвокогнитивный анализ речевого жанра эссе / науч. ред. Н.А. Любимова. СПб., 2015. 320 с.
3. Касевич В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. 288 с.
4. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
5. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие. М.: Академия, 2001. 208 с.
6. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
7. Яковлева Е.С. К описанию русской языковой картины мира // Русский язык за рубежом. 1996. № 1–2–3. С. 47–52.
8. Кузнецов Ю.А. «Находчивый» в зеркале русского языка (к вопросу об особенностях русского национального характера) // Слово есть Дело: Юбилейный сборник научных трудов в честь профессора И.П. Лысаковой. СПб., 2010. Т. 1. С. 309–313.
9. Буданова Т.А., Зиновьева Е.И. Русский национальный характер в лингвистическом аспекте: теоретические основы изучения и языковая практика // Мир русского слова. 2010. № 1. С. 26–29.
10. Зиновьева Е.И. Болтливый в русской лингвокультуре // Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego Ежегодник Русско-польского института. 2013. № 1 (4). Wrocław. С. 81–94.
11. Зиновьева Е.И. Стереотипное представление о порядочном человеке в русском языковом сознании // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2014. № 7. С. 290–302.
12. Зиновьева Е.И., Похлина Е.К. 'Clever person' in Russian linguistic worldview // 4-th international multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts. Sgem 2017. Science and society. Conference proceedings. Vol. II: Psychology and psychiatry. Language and Linguistics. Bulgaria: Albena Co., 2017. August, 24–30. P. 1095–1105.
13. Зиновьева Е.И., Хруненко А.В. Stereotypic idea of a successful person in the Russian language consciousness against the background of the Chinese // 4-th international multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts. Sgem 2017. Science and society. Conference proceedings. Vol. II. Psychology and psychiatry. Language and Linguistics. Bulgaria: Albena Co., 2017. August, 24–30. P. 969–976.
14. Зиновьева Е.И., Дракулич-Прийма Д. Хитрый и хитар в языковом сознании носителей родственных языков (на материале русского и сербского языков) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 25–33.
15. Зиновьева Е.И., Хруненко А.В. «Правильный человек» в русской языковой картине мира // Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных и русского языков: сб. науч. ст. / под общ. ред. М.В. Пименовой. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. С. 336–345.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1986. Т. 2.
17. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М.: Рус. яз., 1989. Т. 2.
18. Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1985–1988. Т. I–IV.
19. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2007. 1175 с.
20. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 11.03.2018).
21. Шаров С.А., Ляшевская О.Н. Частотный словарь современного русского языка. URL: <http://dict.ruslang.ru> (дата обращения: 10.07.2018).

22. Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимно-антонимический). М. : Русские словари; Астрель; АСТ, 2001. 800 с.
23. Речник српскохрватскога књижевног језика. Нови Сад : Матица српска. Загреб : Матица хрватска, 1967–1976. Т. 3. 911 с.
24. Речник српскога језика. Нови Сад : Матица српска, 2007. 1564 с.
25. Ђосиф П. Речник синонима. Београд : Корнет, 2008. 704 с.
26. Национални корпус српског језика. URL: <http://www.korpus.matf.bg.ac.rs> (дата обращения: 15.03.2018).
27. Оташевић Ђ. Фразеолошки речник српског језика. Нови Сад : Прометеј, 2012. 1045 с.
28. Чајкановић В. Из српске религије и митологије 1910–1924 // Сабрана дела. Књига прва. Београд : Српска књижевна задруга Београдски издавачко-графички завод Просвета Партенон, 1994. 212 с.
29. Српски рјечник, истолкован њемачким и латинским ријечима / Сакупио га и на свијет издао Вук Стефановић. У Бечу, 1818. 928 с.
30. Словенска митологија: Енциклопедијски речник. Београд : Zepher book world, 2001. 393 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 1 июля 2018 г.

“Lukavyy” and “Lukav” in Russian and Serbian Language Pictures of the World

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 438, 30–39.

DOI: 10.17223/15617793/438/4

Elena I. Zinovieva, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: e_zinovieva@mail.ru

Dragana Drakulić-Prima, Russian Academy of Sciences Library (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: dpdragana@rambler.ru

Keywords: stereotypical representation; language picture of world; linguaculture; adjective; stable comparison.

The article analyzes semantics, features of functioning and axiological evaluation of the Russian adjective *lukavyy* and Serbian *lukav* to reveal stereotypes about a person nominated by these adjectives in two Slavic language pictures of the world. The presented analysis is the second stage of the study conducted by the authors; it analyzes the stereotypical representation of a cunning person in Russian and Serbian linguacultures. Material for the study consists of monolingual dictionaries of Russian and Serbian, contexts of the use of adjectives presented on the websites of the Russian National Corpus, the Serbian National Corpus, and results of questioning speakers of Russian and Serbian. As a result of the analysis, it was found that the stereotypical representation of a crafty person in the Russian language picture of the world is as follows: on the one hand, it is a person more often assessed negatively, hiding their true intentions, false, quirky and hypocritical, deceiving for their own benefit, acting often to the detriment of another person. The mythological component – the euphemistic name for a demon and the devil – plays a great role in creating this stereotype. On the other hand, if a person is kind and simultaneously ingenious, acts for good, or the emphasis is on their facial expressions, then such a person is perceived as good-naturedly cunning and playful. *Lukav chovek* in the Serbian language world picture is perceived, first of all, as a cunning person, acting in their own favor. The Serbian adjective *lukav* mostly means a negative evaluation of an individual. In rare contexts in which the meaning of ‘savvy, quirky, cunning’ is actualized, this adjective may also have a positive connotation. As the study shows, in the Russian and Serbian language pictures of the world, the stereotypical idea of a person called crafty basically coincides. In general, it is possible to conclude that the Serbian adjective *lukav* corresponds to the Russian adjective *khitryy* in the following meaning: ‘cunning, concealing one’s true intentions, going by deceptive ways’. The difference lays in the fact that cunning as a property of a person in Russian linguaculture largely characterizes intellectual abilities. A cunning person must be intelligent, inventive, or compensate for a lack of intelligence with resourcefulness and deliberate deception in behavior. The adjective *lukavyy* in Russian differs from its synonym *khitryy* by its lesser use in characterizing the property of a human personality due to the prevailing pejorative evaluation. In both linguistic cultures *khitrost’/lukavstvo* is the property of certain nationalities Russian and Serbian peoples have historically been in contact with. However, cf. Russian *khitryy kak yevrey, khokhol, tatarin* [cunning like a Jew, a Khokhol (pejorative for Ukrainian), a Tatar] and Serbian *lukav kao Turchin, Chifutin* [tricky like a Turk, a Chifutin (pejorative for a Jew)]. In the Serbian language pictures of the world, craftiness is more often attributed to representatives of its own people than in Russian.

REFERENCES

1. Kovshova, M.L. (ed.) (2017) *Slovar’ lingvokul’turologicheskikh terminov* [Dictionary of linguocultural terms]. Moscow: Gnozis.
2. Buzal’skaya, E.V. (2015) *Lingvokognitivnyy analiz rechevogo zhanra esse* [Linguocognitive analysis of the speech genre of the essay]. St. Petersburg: Zlatoust.
3. Kasevich, V.B. (1996) *Buddizm. Kartina mira. Yazyk* [Buddhism. Picture of the world. Language]. St. Petersburg: Tsentr “Peterburgskoe Vostokovedenie”.
4. Vorkachev, S.G. (2001) *Lingvokul’turologiya, yazykovaya lichnost’, kontsept: stanovlenie antropotsentricheskoy paradigmy v yazykoznanii* [Linguistic culture studies, language personality, concept: the formation of the anthropocentric paradigm in linguistics]. *Filologicheskie nauki – Philological Sciences*. 1. pp. 64–72.
5. Maslova, V.A. (2001) *Lingvokul’turologiya* [Linguistic culture studies]. Moscow: Akademiya.
6. Kornilov, O.A. (2003) *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional’nykh mentalitetov* [Language pictures of the world as derivatives of national mentalities]. Moscow: CheRo.
7. Yakovleva, E.S. (1996) *K opisaniyu russkoy yazykovoy kartiny mira* [To the description of the Russian language picture of the world]. *Russkiy yazyk za rubezhom – Russian Language Abroad*. 1–2–3. pp. 47–52.
8. Kuznetsov, Yu.A. (2010) “Nakhodchivyy” v zerkale russkogo yazyka (k voprosu ob osobennostyakh russkogo natsional’nogo kharaktera) [“Resourceful” in the mirror of the Russian language (on the issue of the peculiarities of the Russian national character)]. In: Vasil’eva, G.M., Usha, T.Yu. & Yakimovich, A.I. (eds) *Slovo est’ Delo: Yubileyyny sbornik nauchnykh trudov v chest’ professora I.P. Lysakovoy* [Word is The Act: A jubilee collection of research papers in honor of Professor I.P. Lysakova]. Vol. 1. St. Petersburg: Sudarynya.
9. Budanova, T.A. & Zinov’eva, E.I. (2010) *Russkiy natsional’nyy kharakter v lingvisticheskom aspekte: teoreticheskie osnovy izucheniya i yazykovaya praktika* [Russian national character in the linguistic aspect: theoretical foundations of study and language practice]. *Mir russkogo slova – World of Russian Word*. 1. pp. 26–29.
10. Zinov’eva, E.I. (2013) *Bol’tivyy v russkoy lingvokul’ture* [‘Chatty’ in Russian linguaculture]. *Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego*. 1 (4). pp. 81–94.
11. Zinov’eva, E.I. (2014) *Stereotipnoe predstavlenie o poryadochnom cheloveke v russkom yazykovom soznanii* [The stereotypical idea of a decent person in the Russian language consciousness]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University*. 7. pp. 290–302.

12. Zinov'eva, E.I. & Rokhlina, E.K. (2017) 'Clever person' in Russian linguistic worldview. *4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts. SGEM 2017. Science and Society*. Conference proceedings. 24–30 August 2017. Vol. II: Psychology and psychiatry. Language and Linguistics. Bulgaria: Albena Co. pp. 1095–1105.
13. Zinov'eva, E.I. & Khrunenkov, A.V. (2017) Stereotypic idea of a successful person in the Russian language consciousness against the background of the Chinese. *4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts. SGEM 2017. Science and Society*. Conference proceedings. 24–30 August 2017. Vol. II: Psychology and psychiatry. Language and Linguistics. Bulgaria: Albena Co. pp. 969–976.
14. Zinov'eva, E.I. & drakulich-priyma, file (2017) "Khitryy" and "khitar" in the linguistic consciousness of native speakers of cognate languages (on the Russian and Serbian language material). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 423. pp. 25–33. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/423/4
15. Zinov'eva, E.I. & Khrunenkov, A.V. (2018) "Pravil'nyy chelovek" v russkoy yazykovoy kartine mira ["The right person" in the Russian language picture of the world]. In: Pimenova, M.V. (ed.) *Novoe v lingvistike i metodike prepodavaniya inostrannykh i russkogo yazykov* [New in linguistics and methods of teaching foreign and Russian languages]. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics.
16. Vasmer, M. (1986) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Translated from German by O.N. Trubachev. 2nd ed. Vol. 2. Moscow: Progress.
17. Dahl', V.I. (1989) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols]. Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk.
18. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1985–1988) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Vols I–IV. Moscow: Russkiy yazyk.
19. Shvedova, N.Yu. (2007) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov* [Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words]. Moscow: Azbukovnik.
20. Russian National Corpus. [Online] Available from: <http://www.ruscorpora.ru>. (Accessed: 11.03.2018). (In Russian).
21. Sharov, S.A. & Lyashevskaya, O.N. (2009) *Chastotnyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Frequency dictionary of modern Russian]. [Online] Available from: <http://dict.ruslang.ru>. (Accessed: 10.07.2018).
22. Ogol'tsev, V.M. (2001) *Slovar' ustoychivyykh sravneniy russkogo yazyka (sinonimo-antonimicheskiy)* [Dictionary of stable comparisons of Russian (synonyms and antonyms)]. Moscow: Russkie slovari; Astrel'; AST.
23. Matitsa srpska & Matitsa khrvatska. (1967–1976) *Rechnik srpskokhrvatskoga knjizhevno jezika* [Dictionary of Serbo-Croatian literary language]. Vol. 3. Novi Sad: Matitsa srpska; Zagreb: Matitsa khrvatska.
24. Matitsa srpska (2007) *Rechnik srpskoga jezika* [Dictionary of the Serbian language]. Novi Sad: Matitsa srpska.
25. Đosić, P. (2008) *Rechnik sinonima* [Dictionary of synonyms]. Beograd: Kornet.
26. Serbian National Corpus. [Online] Available from: <http://www.korpus.matf.bg.ac.rs>. (Accessed: 15.03.2018).
27. Otašević, Đ. (2012) *Frazeoloshki rechnik srpskog jezika* [Phraseological Dictionary of the Serbian Language]. Novi Sad: Prometej.
28. Čajkanović, V. (1994) Iz srpske religije i mitologije 1910–1924 [From Serbian Religion and Mythology, 1910–1924]. In: *Sabrana dela*. Book 1. Beograd: Srpska književna zadruga Beogradski izdavačko-grafički zavod Prosveta Partenon.
29. Stefanović, V. (ed.) (1818) *Srpski rječnik, istolkovan njemačkim i latinskim riječima* [Serbian Dictionary, explained by German and Latin words]. Vienna: [s.n.].
30. Zepter book world. (2001) *Slovenska mitologija: Entsiklopedijski rechnik* [Slovene Mythology: Encyclopedic Dictionary]. Beograd: Zepter book world.

Received: 01 July 2018